

Дмитрий АНИКИН

ТЕОРИЯ ЗАГОВОРА

История наша, бывшая во всевозможных идеологических передрягах, совсем износилась, истончилась, нечего стало накинуть на голую правду факта. Перебирали, перевирали, так что слова потеряли всякий истинный смысл, так что никто им не то чтобы не верит, а даже внимания на их назойливый шум не обращает. Стало окончательно ясно, что никакой истории у страны больше нет. Лишившись прошлого, мы лишились и будущего, а это — непорядок!

Я тогда брался за любую работу, вот и к государству в историки наняться не побрезговал. Не справившись ни с настоящей, ни с поддельной историей прошлого, мои работодатели решили вплотную заняться историей будущего. Задача моя была настолько невнятно сформулирована, что любой результат можно будет выдать за положительный. В качестве реального плода моих трудов должен был появиться учебник истории, рассказывающий о событиях, начиная с сегодняшнего дня и до конца 21-го века. «Краткий курс...»

Я с удовольствием засел писать. Самым логичным было бы так растянуть работу, чтобы как раз к концу века и управиться. Но ведь не доживу!

Платили мне немного, но исправно. Требовали вяло, так что можно было особенно не напрягаться и даже подыскать себе дополнительную халтуру.

* * *

Все говорят, что рынок эзотерических услуг в стране как-то особенно бурно развивается. Куда там промышленности или иному предпринимательству, не говоря уже о сельском хозяйстве!

Это не совсем так! Рынок магии у нас богатый, обширный, но долгое время он оставался диким, без строгого государственного регулирования, а в отсутствие отеческого призора какое уж тут развитие? Но теперь, когда так безбожно, хоть приплачивай, подешевела нефть, чиновники из администрации решили, что потусторонние прибыли не могут более оставаться в частных руках. Времена настали такие, что подкопившие жирку магии должны были пойти на корм родному Левиафану.

В этих целях и было создано акционерное общество «ГосМагия», контрольный пакет в котором достался федеральному правительству. Главой корпорации был назначен Иван Филиппович Бурмояров, человек старой закалки, не верящий ни в чох, ни в сон, ни в птичий гай, но как-то очень сомневающийся в своих полномочиях. Интеллигентный и противоречивый чиновник. Фамилия ему удивительно не шла.

— Работа для тебя есть, — заявил Бурмояров сразу, как я вошёл к нему в кабинет.

— Я вот всё не могу в толк взять: вас повысили или понизили?

До нынешней должности Иван Филиппович был руководителем одного из департаментов в «Госнано», где... Ну, в общем, понятно, чем они там все занимались.

— А это зависит от того, как я проявлю себя. Не должность делает человека, а человек — должность. Помнишь, какую мизерную долю рынка занимала в начале 2000-х «Госнефть»? А вот пришёл умный, напористый человек, тех обобрал, этих обокрал, и смотри, какие богатства стяжал! На благо государства, разумеется, — спохватился Иван Филиппович и оглядел кабинет, как бы ища микрофоны, — так что не смотри на нашу сегодняшнюю ничтожность, но почти завтрашнее могущество!

Мы сошлись с Бурмояровым ещё в «Госнано».

Это уже почти такой новый жанр отечественной словесности: вдохновенное описание неслучившихся, но должных достижений. Поймите правильно, с докладами наверх чиновники преспокойно справлялись сами, такого рода литература им понятна, соприродна и доступна. Но скучных бюрократических реляций достаточно для спокойствия только в примитивном государстве, чуть лишь начнись цивилизация — и вылезают проблемы не прежней простоты и очевидности.

В созданный новый самолёт, ну, или там паровоз, да хоть полупроводник — должна поверить не только власть, должна поверить страна.

Главным из искусств для нас является кино с примкнувшим к нему телевидением. Казалось бы, на нынешнем уровне развития спецэффектов рисуй новые машины и механизмы, сколько душе угодно. Занятие нехитрое, предполагающее хорошую, быструю окупаемость. Сначала так и поступали. По экранам поехали, полетели, по... чего ещё там уродливые детища отечественного нанопроизводства. В результате скандал за скандалом! Конкретность изображения подвела. Нашлись умники, которые доказывали, что показанная в кинохронике конструкция не поедет, не полетит, не по... чего ещё там. Въедливая инженерная мысль зрителя оказалась сильнее восторженно-го невежества творца.

Начальство вовремя одумалось, и реализовывать правильное развитие отечественной промышленности было поручено литераторам. В наших текстах тут и там замелькали упоминания о новейших разработках, но так, что при всём желании не придерёшься. Вот на этой ниве я и подвизался. Платил Бурмояров щедро, забирал себе всего половину, так что с ним можно было иметь дело.

— Догадываешься, зачем я тебя позвал?

— Невелика хитрость догадаться, ваше превосходительство: достижения отечественной магии ждут своего лукавого, пристрастного, но хорошо заплаченного летописца.

— А вот и мимо, — радостно хохотнул Иван Филиппович; казалось, он заранее был уверен в моей ошибке. — В «Госнано» мы создавали ничего, пустоту, можно сказать, отрицание бытия, но магия... Магия — штука не настолько очевидная и не настолько неочевидная. Магия сомнительна, а это уже большой шаг по направлению от небытия к бытию, от мнимости к реальности.

— Да вы философ!

— Должность обязывает.

— Так что же вам тогда надо?

— А вот тут, Илюша, тебе как мастеру художественного слова должно быть интересно. Отрасть наша развивалась на вольном выпасе, каждый способный магичил, как мог, употребляя для этого формулы весьма сомнительного происхождения. А мы такого в госучреждении позволить не можем, у нас должны быть какие-то стандарты, системы норм и правил! Послушал я своих новых сотрудников — так просто волосы дыбом становятся: заклиняют кто в лес, кто по дрова, тут ругань, там пошлятина, а кое-где даже и политика проскальзывает! Может, и без умысла на подрыв основ, но всё же эту махновщину никак оставить нельзя. Мне ведь большим людям предстоит наши труды демонстрировать! Надо, чтобы заклинали в меру таинственно, хорошим литературным языком, да и патриотизма добавить не помешает!

Слово «патриотизм» Иван Филиппович произносил так, что отчётливо был слышен мягкий знак.

— Присылайте тексты, — согласился я, — поколдую над ними.

— Э, нет, так дело не пойдёт, — возразил Иван Филиппович, — своевольно меняя текст, ты можешь запросто разрушить самую суть заклинания. Надо, чтобы твои стихи сохранили способность подчинять стихии. Так что работать тебе придётся в тесном контакте с практикующими магами, методом проб и ошибок подбирать слово к слову.

Бурмояров, конечно, человек ко мне благорасположенный, но отвечать такому крупному чиновнику отказом как минимум неразумно.

* * *

Я жил в старой двухкомнатной квартире, доставшейся мне от родителей. Район наш раньше был не то чтобы престижный, но и не совсем глушь, а теперь поговаривают, что сюда волки по ночам забегают. Сам я, правда, никаких таких гостей не видел, но ведь люди не станут болтать зря. Надо будет создать такое заклинание, которое выгонит волков из города.

Придя домой, я сразу начал штудировать, что из написанного русскими поэтами можно счесть заклинаниями, и первым делом, конечно, припомнился Пушкин:

*Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой...*

Да ещё Ахматова:

*Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,*

*Незванный, несуженый, —
Приди ко мне ужинать.*

Оба текста — заклинания призыва, у Пушкина действующий текст дан в обрамлении соответствующих рассуждений, у Ахматовой — не стесняясь, безо всяких покрывал. Живой Пушкин призывал мёртвую любовницу, измученная до полусмерти Ахматова сама, возможно, не была уверена, жив или мёртв адресат её призыва. Только про эти два текста можно было со всей определённости сказать, что они имели свои цели далеко за пределами литературы.

Зарубежная поэзия в этом плане кажется богаче: одни Шекспир да Гёте вдоволь навоlhовали. Вот только сомнительно, что русская магия может подчиниться словам чужого языка.

А вот сколько заговоров, неавторских, народных, написано неряшливыми, никудышными стихами. Может быть, «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», и дар поэзии мешает дару магии? И я с удовольствием углубился в праздные рассуждения.

Выстроив стройную теорию заговоров, которая далась мне с неимоверной лёгкостью, свидетельствующей о её ложности, я решил безотлагательно заняться практикой. Для первого опыта я выбрал самую простую область магии: управление погодой. Этот департамент в «ГосМагии» считался одним из самых захудалых, — соответственно, невысока была цена ошибки.

*Укрой, укрой, небо,
белым и лёгким —
белое затемни,
легкое отяжели.
Грянь! Грянь!
В землю водою прянь!*

Пытался я наколдовать весеннюю грозу в аккурат под Новый год. Небо хмурилось да всё без толку.

*Вода, вспыхни,
о воздухе обожгись;
силой ихней,
вода, напоись;
грохни с ходу,
вода, об воду!
Рога зверя
светят в полнеба.
С грохотом, с хрустом,
ветром не пустым
вода, воем воя,
упадает!*

Сдвинутые ударения вроде «вóздухи» и «пúстым» казались мне обязательным атрибутом истинно народных, действительных заговоров.

*Вода водой набрякни,
вода водой намокни,
вода — ну-кась, капни,
вода — малость мокни,
вода — лить, лей ливмя,
вода — смой грех, стыд с мя!
Вода, раскинь-кинься,
вода, рассинь-синься,
земля, водой упейся,
вода, землей отогрейся!*

Ощущаю, что в тучах надо мной происходит отчётливое бурление. Ну же, ещё немного:

*Вода — стеной с неба,
вода — столбом в землю,
вода, цвет смой с неба,
серой стань и синей,
вода, землю вымой!*

Ощущение — будто закончил, опростался. Но магия — занятие особого сорта, тут наша логика пасует и текст продолжается за границу листа, за границу здравого смысла. Весь мой опыт словесности не помогает, потому дальше, как ненужная кода к

удачному сонету, получается вот что:

*Синь, до край дошедшая,
растелись!
Темная над доньями
станет высь,
загниет, цветёт она,
тяжек дух,
иссочится — ох, вокруг
мошек, мух! —
всё день жаркий выпарил —
слизь, следы —
гуша, ряска нежная —
жир воды.*

И откуда все эти мошки, мухи среди обставшей мя кромешной зимы?

* * *

Я понемногу начал осваиваться на новом месте. Особой дисциплины с меня не требовали, так что можно было заявляться на службу к обеду. Главное, чтобы был результат! А за этим как раз дело не стало. Как будто я был прирождённым магом.

Нет, не магом. Произнесённые мной великолепные заклинания не работали, оставались просто стихами. Некоторым исключением оставался только первый полуудачный опыт. Нужен был профессиональный чтец, маг!

Постепенно я понял, что не только к каждой задаче — к каждому заклинанию, к каждому исполнителю нужен свой, индивидуальный подход.

К примеру, была в конторе такая Жанна Евгеньевна — нелепая дама, приятная во всех отношениях, специализировавшаяся по части нанесения финансовой удачи. Для этой умелицы нужны были тексты короткие, несколько жеманные, но совершенно ясные. Стоило мне хоть чуть-чуть сбиться на какие-то образы, на поэтичность, так Жанна начинала задыхаться, не могла выговорить моих слов, а несчастный подопытный, над чьим финансовым благополучием магичка трудилась, выходил из конторы измученный и без денег даже на проезд до дома. Интересно, что сама Жанна была бедна как церковная мышь.

Иное дело — Прохор Исидорович, человек неопределённого возраста, странно сочетавший вальяжность и запутанность, специализировавшийся на всех подвидах любовной магии. Его несколько опереточный вид требовал стихов с явным тяготением к мелодии, к жанру мелики. Наш герой-любовник любой текст пытался напевать, но есть стихи, которые сопротивляются любой внешней музыке. Если Исидорычу доставались такие, то выходило прям по Катулле: «Odi et amo» («Я люблю, и я ненавижу»), то есть приворот необходимо обретал ещё и свойства отворота. С потерпевшим начинала лютая жуть происходить.

Третьим в тёплой компании malefikов был Агейка, мелкое, жалкое существо, иногда казалось, что и не человек вовсе, а кто-то из волшебного народца. Так вот, не нашли ничего лучшего, кроме как поручить ему боевую магию: отвести пулю от своего солдата, уметить так, чтобы не увернулся чужой. С этим можно было особо не стараться: он любой текст произносил чётко, правильно, отбивая стихотворный размер, как строевой шаг на плацу. Нашему подлецу всё к лицу.

Остальные маги тоже были каждый со своими особенностями, постепенно я приноровился, но с ними мне редко приходилось работать.

* * *

Сначала я думал, что просто жестоко простудился, но потом понял, что дело куда серьёзнее. От неизвестной болезни седьмой день как изнывало всё нутро, никакого покоя неделю кряду, так ведь и сдохнуть можно. Пришлось обращаться к коллегам.

— Вы, Илья Михайлович, не сомневайтесь, — щебетала Жанна Евгеньевна, — мы вас вылечим, выходим, встанете молодцом, полетите соколом.

— Отпоём как надо, — подтвердил Исидорыч.

Агейка ничего не говорил, только энергически кивал. Иногда мне казалось, что без моих текстов он вообще не способен на речь, но потом я вспоминал: нет, говорлив гадёныш!

Между тем Жанна Евгеньевна стянула с головы старый засаленный берет, и держа его, что твой Ленин кепку, начала во здравие, как за упокой:

*Чёрная боль, распадись, уйди,
оставь ретивое ровно стучать в груди,
с потом выйди из пор, холодным ливнем хлынь!
Сердце, тёмную — не захлебнись — теплынь*

*оставь в узких жилах, вдовль их гони,
не через край плесни!*

Сердце моё забилося, как заполошное. Кажется, стало ещё хуже. Но тут Исидорыч не дал пропасть товарищу, начал свою арию:

*Перейди на беглого, на прохожего,
хворь, найди на меня похожего.
Перелети по ветру на кого живого,
на золотого, на красивого, на молодого.
Перетеки водою, дождём, ручьём
на тело бело — что не моё, хоть чьё.*

Певец переменил мотив и продолжил, перебирая руками, как будто нещадно теребя струны каких-то невидимых гуслей:

*Распространись, поветрие, как злой слух гурной,
распространись наг сонною, наг бодрствующую страной!*

Наступила тишина. Я выразительно глянул на Агейку, он — на меня. Понятно было, что он не возьмётся за следующий куплет.

Как же плохо, как же мне было плохо, но делать нечего: я начал негромким, спотыкающимся голосом, а потом ничего, как-то даже распелся и закончил уже уверенно, с какой-то даже исполнительской лихостью — мол, смотрите, какие мы коленца умеем:

*Чёрную свечку ставлю, коптит её мёртвый воск,
горькие слёзы плаваю, весь в быстрых мыслях мозг.*

*Разное представляется — всё прошлое, и подробно;
зрение убыстряется — вспоминаю, смотрю беззлобно.*

*Чёрная свечка пламени кидает по ветру клочья,
сквозняк облетает голову, свечка огнём хлопочет.*

*Чёрная свечка тает, как тает моя болезнь;
как, толстая, догорит, умрёт — так и мне воскресть.*

Теперь уже Агейка не артачился и ясным, чистым, уверенным голосом произнёс:

*Как птица по небу,
отлетает пусть хворь-болезнь;
змейкой по камню
юркни, мелькни, исчезь —
чтоб ни следа, ни шрама,
чтоб память, что о тебе,
была смутной самой
мне в октябре.*

Рождённый в октябре, и с болезнями я должен был разделаться в том же месяце.

Естественно, что сразу после этих волхований началась беда, пришла на землю пандемия. Вот уж удружил всем — так удружил.

* * *

За устроенное с моей лёгкой руки моровое поветрие с меня никакого особого спроса не было. Премии, конечно, лишили всех четверых, ну да кто при их начальственной жадности мог гарантировать, что не нашли бы иного повода придраться и недодать? Всё это — терпимые издержки.

Зато мы хорошо сошлись с моими подельниками по делу излечения. Славный получился квартал, как ни садись.

* * *

— Слышал про твои успехи, — невесело ухмыльнулся Бурмояров, — как ты только всех нас не угробил?

— Извините.

— Бюджет нам из-за твоей выходки увеличили кратно!

— А вы мне премию зажали!

Но не успел я как следует повозмущаться, а Бурмояров уже вынул из сейфа увесистый свёрток и протянул мне.

— Ваше финансирование теперь идёт по закрытой части бюджета.

— Наше?

— С подельниками своими поделись. Тут на всех хватит.

А дальше Бурмояров уже не дал мне вставить слова: он, не прерываясь, говорил больше часа, я слушал, и с каждым словом мне становилось всё тоскливей и страшней. Так что даже деньги уже не радовали.

* * *

Нет, не деньги интересовали наше правительство. В кои-то веки их интересовали не деньги. Страх давно стал истинной сущностью власти. Оно и понятно: страх разъедает любой материал, так что тот, кто правит страхом, не может в конце концов не поддаться ему. Тут уж какой-то неизъяснимый закон бытия.

Давно они задумывались над тем, как страшить и не страшиться. Но все способы были вариациями какого-то вялого самовнушения. А тут результаты работы «ГосМагии» были внимательно проанализированы и найдены удовлетворительными.

Пастернак якобы говорил: «Почему Сталин так боится писателей? Знает — можем нашаманить». Теперешние сделали очевидный вывод: те, кто наводит страх, могут его и отвести. А если скрестить ужа и ежа, поэта с магом... Что ж, правы, не поспоришь.

Так что нам была поставлена серьёзная задача: укрепить вертикаль власти.

Я честно разделил деньги на четверых, и неделю от нас не было никакого толка: пили так, что не то что заклинания — «мяу» сказать не могли.

* * *

Услышав о предстоящей работе, Исидорыч сразу предложил геополитику: мол, там простор и размах! Раньше международная политика была интересной, захватывающей, теперь газетные передовицы о новой войне набирают произвольными крючками да загогулинами, которые только издали, сослепу можно принять за буквы. Гоббсовская «все против всех» тактика войны, броуновское движение групп вооружённых людей. Магическое воздействие на такие процессы было признано нецелесообразным. Тут поражения от победы не отличить и самому внимательному глазу. Только напрасное нагромождение напрасных словес — все наши волхования на поле боя, где как отличить магическую закономерность от военной случайности?

Агейка у нас был специалистом по частным, по солдатским, а не по генеральским вопросам.

— То есть командировки не будет... — подытожил мои рассуждения Исидорыч.

* * *

Есть в политологии такое понятие — авторитарная хрупкость. Это значит, что стоит этакая громада государства, высится над полумиром, и кажется, что нет ни на земле, ни на небе никаких сил, чтобы её поколебать, а вот мышка бежала, хвостиком задела — и на месте громады только пыль столбом. Они там, наверху, эту нехитрую мудрость куда лучше всяких досужих политологов понимают. Пробуждаются по ночам в холодном поту и не могут заснуть до рассвета. А чуть только начнутся присутственные часы, так полетят по всем ведомственным да подведомственным депешам: «Подать сюда очередного Тяпкина-Ляпкина!» С него-то мы и спросим за все наши бессонные страхи, на него-то вся надежда, он-то нам и поможет. А если не поможет... Именно это, а не борьба с коррупцией, и есть основной движитель государственного террора, направленного на представителей высшей администрации.

Вот так в один несчастный день и Бурмоярова призвали.

— Обеспечьте нам, чтобы никаких!

— Обеспечу, — тяжело вздохнув, согласился Бурмояров.

А что ему ещё было делать?

* * *

— Они ждут от нас самых решительных действий. А что делать мне, совершенно непонятно. У них ведь всё есть. Они сами не могут внятно сформулировать, чего, собственно, хотят. Чтобы страх отступил? Нет. С этим худо-бедно водка и антидепрессанты справляются. Уничтожить источник этих страхов? Я бы с радостью, только где он, этот источник?

Благоприобретённая начальственная вальяжность совсем оставила Бурмоярова. Я бы и хотел ему подсказать, только тоже ничего не понимал.

— Что если нам провести эксперимент над какой-то соседней страной, — неожиданно для самого себя предложил я, — а пока мы будем волховать да результаты оценивать, это столько времени уйдёт...

— А вот это интересная идея, — Бурмояров даже несколько воспрянул духом.

С объектом для эксперимента недолго мудрили: раскрутили глобус да ткнули пальцем. Правда, только с третьего раза получилось, а то сначала в Родину указательным угодили, а потом — в Тихий океан. Получается, что не мы посылаем несчастным испытания, но сама судьба!

Мы разработали программу воздействия. Думаю, всё бы у нас получилось, но меня

снова вызвал Бурмояров.

— Наорали на меня. Обычно все выволочки проходили хотя бы вежливо, а тут мат-перемат. Ну так и правы, заслужил. Жаль, тебя там не было: тоже ведь заслужил. «Ишь что удумали — обмануть, время протянуть». Нет, Илюша, ума у них, может, и немного, зато хитрости хоть отбавляй, и чужую хитрость чуют.

— Зато хоть как-то конкретизировали задачу.

* * *

— И чего они хотят, чтобы мы им наворожили? — с нескрываемым сарказмом поинтересовался Прохор Исидорович.

— Заговор!

— Ну это понятно, что заговор. Какой именно?

— Да нет, ты не понял, они натурально хотят политический заговор.

— И зачем это им?

— Желают проверить строй на прочность.

— А если наш мятеж кончится удачей, то кто заплатит?

— Наш мятеж не может кончиться удачей, — возразил я, — зная время и место, они будут наготове, во всеоружии, и если ситуация начнёт выходить из-под контроля, введут военное положение.

— Просто замечательно.

Я и сам чувствовал в их планах какую-то глупость, какую-то роковую и несуразную уверенность в собственных силах.

— Слушай, начальник, на нас ведь свет клином не сошёлся — огромный офис, сотня кабинетов, набитых раздолбаями. Бери любых, и — вперёд! Какие угодно заговоры тебе сваряют. Почему именно мы? — задал резонный вопрос Исидорыч.

— Потому что мы — лучшие! — неожиданно заявила Жанна. — Я даже немного горжусь, что мне выпала такая честь.

— Дура, — решительно прервал её Исидорыч, — неужели ты думаешь, что нас после такого оставят в живых?

— А что с нами сделают?

И в самом деле — что?

— Возможно, они так уверены в нашей некомпетентности, что решили таким рискованным образом укрепить основы государственного строя, — это как глас валаамовой ослицы провещал Агейка.

— Не понял.

— Жанна когда лажает, то клиент нищает, Прохор сбивается — и любовь прекращается, Агейка соврёт — так тут уж всё взад-вперёд!

— Интересная теория, — согласился я.

Заговорила, боясь своих слов, Жанна. Она успела осознать угрозу.

— Давайте уедем! Деньги есть. И без работы не останемся. Нас ведь даже особо искать и не будут. Сами же говорите, тут полно таких. Мы с Прохор Исидоровичем вообще не по политической части: зачем наши привороты и мелкая экономика, когда речь о таких государственных страстях? Агейка, душа беззлая, он хоть и по военной части... — тут Жанна запнулась, уж больно ей хотелось и Агейку отмазать, но вроде как его дар вполне соответствовал требованиям к заговору.

— Пустые разговоры, — прервал её я, — нас не то что за границу, — нас с территории предприятия никто не выпустит.

— Они верят, что мы можем основы потрясти, но полагают, что могут остановить нас какими-то жалкими шлагбаумами? — хохотнул Исидорыч.

Долго и бесполезно обсуждали мы невозможные способы спасения.

* * *

Делать нечего, мы приступили к делу. Как водится, начала Жанна:

*Заговоры — убить,
заговоры — любить,
заговоры — одного за всех,
заговоры, которые и не грех!*

*Заговоры заговорю,
правде в спору
брюхо её,
чтобы на белый свет — бытиё!*

Тьма вокруг покачнулась. Жанна замолчала, и вступил Прохор Исидорович:

*Сгинь со свету вовсе, сгинь
ради тех и тех святынь,*

*ради Бога и врага
сделай в бездну три шага.*

*Первый шаг — так просто смерть:
телу мёртвому истлеть,
лечь в разверстую могилу,
упокоить власть и силу.*

*Шаг второй — твои дела
чтобы всякие готла,
чтоб строение упало,
чтобы слово замолчало.*

*Третий шаг всего важней —
чтоб от памяти твоей
ничего не оставалось,
только имя повторялось...*

Ни секунды не помедлив, вступила Жанна:

*...в моих шёпотах,
чуждых ропотах,
которым звучать,
чтоб тебя сдержатъ
в небытии, пока
вода глубока,
огонь жгуч,
воздух летуч
да лежит земля
вокруг Кремля!*

И снова заголосил Исидорыч:

*Сгинь со свету вовсе, сгинь
ради тех и тех святыхъ,
ради Бога и врага
сделай в бездну три шага.*

С чувством выполненного долга Прохор Исидорович умолк, и тут же заныл, заголосил Агейка:

*То не дело жалкое, людское,
то не дело глупое какое —
но
стон великий матери-земли,
ему, смерть, последуй, смерть, внемли!*

*Обнажив трепещущее жало,
правлю, чтобы верное грожало,
вру,
чтоб в составы крови чёрный яд
проникал... Торжественный обряд*

*совершаю! Нет другой науки
политической, как плети руки;
Брут,
не ножом (орудьем прошлых лет)
успеваю! Силы юной нет!*

*Чем могу, так тем и выкупаю —
своей жизнью — родину, и знаю
смех:
им отчизна грянет в добрый час
над покойным и над тем, кто спас.*

Когда прозвучали последние слова, меня вывернуло наизнанку.

* * *

- Закрывают нашу контору.
- С чего бы это?

— Посчитали — нерентабельная.

— Проворовались?

Бурмояров невесело ухмыльнулся. Конечно, меня попросту выставят за порог, а его замучают проверками.

— А что насчёт нашего заговора?

— Ничего. Говорю же, контору закрывают, какие теперь заговоры?

— Так мы же успели, всё произнесли.

— Я знаю, — согласился Бурмояров.

— Ну так нам удалось?

— А ты сам как считаешь?

Всё зависит от воли толкователя политических смыслов.

* * *

Вот и закончился очередной этап моей трудовой карьеры. Я пообщался с интересными людьми и заработал немного денег. Не худший опыт.

Вернувшись домой, я, не раздеваясь, сел к столу и принялся писать. Всё же за последние месяцы я изрядно запустил работу над учебником истории — придётся навёрстывать.

Авось, описывая историю ближайших десятилетий, я всё же смогу понять, удался наш заговор или нет.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БЕССМЕРТИЯ

В греческой мифологии меня больше всего привлекал бог Главк. И не только потому, что в имени слышалось что-то привычное, советское, аббревиатурное, управленческое. История этого бога внушала надежду: простой юноша, рыбак, случайно съел неизвестную и, видимо, редкую травку, которая даровала едоку бессмертие. Чистая случайность, никаких особых заслуг перед Олимпом.

Бессмертие его развивалось в обе стороны, чтобы в итоге стать вечностью. Проживши сто лет с момента поедания травы, за это время он вспомнил сто лет жизни, предшествующей дате рождения. И так далее. Когда-нибудь он одновременно доберётся до Хаоса изначального и Хаоса итогового. Это и будет вечность: всё время, которое было, есть, будет.

Я думаю, понятно, что выбор начального, отправного момента для бессмертия абсолютно не важен: подвижность Хаоса позволяет живущему, исходя из любой точки, встретить рождение и смерть Космоса одновременно.

Я уже третий день пытаюсь вымучить текст этой несчастной рекламной брошюры. Заказчик почему-то требует, чтобы всё было от первого лица. Так, типа, больше достоверности. Ну и пусть подавится моей достоверностью.

— Они пытаются заработать денег на научной революции, а всё у них на бумаге: брошюры с рекламой, договоры, написанные от руки. А вот это их идиотское название — кооператив «Главк» — сомневаюсь, что такая правовая форма до сих пор существует.

— Для тех, кто работает с вечностью, разве это важно?

С кем только не вёл я такие диалоги. Только с нанимателями не вёл. Там, в кооперативе, работодатели оказались все как на подбор без малейшего чувства юмора. Скажешь им что-то в таком роде, так они посмотрят на тебя изучающе, промолчат да отойдут. И, кажется, невозможно обидеть больней. А я уж на что человек необидчивый.

Первое, что он претерпел от жизни, была смерть. Растерзанный титанами Загрей, восстановленный в зевсовом бедре Дионис понял, что бытие в его истинном, материальном воплощении невыносимо. Поэтому бог создал вино. Опьянение стало первым шагом человечества на пути к бессмертию.

Некий дух, дух алкоголя, изымает сознание из человека и помещает его в высшие сферы бытия. Только завязтые пошляки умнеют от выпивки, их сознание накрепко привязано к телу и не позволяет себе мало-мальски отдельного существования. Человек достойный отпускает сознание погулять на свободе, набраться новых ощущений. Наутро такой ничего не помнит — не из последних часов жизни земной, не из первых — жизни небесной.

Сам я пить не люблю и всегда считал алкогольное отупение признаком своей убогости. А вот оно как выходит — «человек достойный».

Что-то в нашей деятельности напоминало попытку создания новой религии. Удивительно, но «традиционные» конкуренты молчали так, как будто их совершенно не заботили наши посягновения на паству.

Аг не пополняется. Грешники нашли выход. Попусту шастает по холодной реке ладя Харона: никого ездоков. Никому не назначают новые наказания, насельникам ага неоткуда узнать свежие новости.

Если вы понимаете, что жили по-человечески, всячески грешили, то у вас только один хороший выход — бессмертие. Страшный суд есть, да не про вашу честь. Не явившихся по повестке не утруждают разыскивать.

Если вы уверены в своей святости — умирайте!

Нельзя сказать, что дела кооператива шли очень уж хорошо. Бессмертие оказалось товаром на любителя, и я много чего насмешливого выслушал. Знакомые как только узнавали, где я работаю, сразу начинали интересоваться, сомневаться, изощряться в остроумии.

— Ну вот я, я, который сейчас с вами разговаривает, покачивает ногой, чешет за правым ухом, — я ведь всё равно умру: через несколько лет, десятков лет тело моё постареет, иссахнет, в конце концов, упокоится в могиле. Я в полной мере осознаю ужас смерти. И вряд ли мне станет легче от знания того, что где-то существует моя копия, сохранённая какое-то время назад версия.

Я не утруждался устно отвечать на такие вопросы.

Давайте разберёмся с дихотомией: подлинник — копия. Профаны почему-то уверены, что подлинное «я» остаётся в теле, тогда как некая копия помещается в хранилище информации. И откуда «мне» знать, что там, где-то на удалённом сервере, «моя» программа функционирует как должно. Всё не так, не совсем так! Кооператив «Главк» делает всё возможное, чтобы вы достигли бессмертия, но последний и самый важный шаг остаётся за вами. Только ваше решение, только ваша воля определяет, которое из двух «Я» подлинное, а которое — копия. Установив для себя, что вы — это тот разум, который связан с плотью и кровью, вы упускаете свой шанс, вы в итоге умираете. Сделайте правильный выбор!

— Сервер сдохнет. Питание отрубят. Кто-то сотрёт по ошибке. Да наша биологическая жизнь на порядок прочнее и надёжнее вашего технологического бытия. Вот я физически не очень здоровый человек, а сколько пережил своих телефонов, телевизоров, пылесосов.

И, главное, смотрят на меня так, как будто я должен им давать какие-то окончательные ответы. Смешно, ей-богу!

Нам понятны ваши сомнения относительно надёжности нашей техники. Кто не станет сомневаться в таком важном деле? В единственном по-настоящему важном деле человека деле! Отвечаем.

Это раньше переносили человека на какой-то определённый сервер, на какую-то конкретную железку. Технологии далеко шагнули. Теперь мы распыляем цифровую личность по эфиру. Как мы это делаем? Что ж, мы готовы рассказать, но обладаете ли вы достаточным образованием, чтобы понять наши объяснения? Боюсь, что нет. Но несколько лауреатов Нобелевской премии ознакомились с нашими техническими решениями и высоко оценили их надёжность.

Список лауреатов с контактными данными прилагается.

— Ты вот говоришь: вечная жизнь, — наседали на меня очередной собеседник, хотя я ни о какой вечной жизни не говорил и вообще избегал тем, связанных с работой, — а вот если завтра война, ядерная война? И всё по кусочкам, по атомам! Я это переживу?

— Переживёшь, куда ты денешься. Цифрам никакая радиация не помеха.

— Ну так это ещё хуже, чем если не пережить. Каково мне будет в бессмертии и одиночестве?

Апокалипсис пройдёт незаметно. Для высокоразвитого разума конец света — всего лишь одно из приключений в бесконечном ряду.

Когда-нибудь из разбежавшихся по хаосу атомов соберётся новый мир, не может не собраться. И тогда действительное небо в алмазах предстанет перед нами!

В любом случае, вы не останетесь в одиночестве: миллионы таких же жизней

будут существовать недалеко от вас, вы сможете общаться или не общаться. Всё по собственному желанию.

Я помнил, что было написано в Апокалипсисе, но помнил нетвёрдо, а справляться с текстом считал ниже своего достоинства.

«И времени больше не будет».

Кто-то, кажется, Лев Толстой, предложил совсем простое толкование: больше не будет времени для того, чтобы покаяться и что-то изменить. Но настолько здраво понимать таинственный текст людям было скучно. Моё начальство утверждает: времени больше не будет потому, что всё оно пошло на нужды кооператива «Главк» и его клиентов.

Никто не отрицает некоторых этических и юридических парадоксов. Старые принципы нравственности и собственности под угрозой, но достойны ли они сожаления? Как говорится в старинном анекдоте: «Умерла так умерла!»

Скупой Рыцарь переживал, что его богатства пойдут по рукам наследников, расточатся на молодые глупости, любовные забавы. Теперь он может быть спокоен: имущество принадлежит ему навеки.

Опытные адвокаты, работающие с кооперативом «Главк», защитят ваши интересы в любых судах, отобьют у предприимчивых наследников охоту разевать рот на чужое достояние.

И ещё мы, конечно, не раскрываем имён. Мы никогда не раскрываем имён. Но скажи, любезный читатель, зная великое судейское самоуважение, самомнение, неужели ты можешь представить, что эти достойные мужи не позаботились о собственном бессмертии? А значит, закон однозначно будет трактоваться в пользу вечной собственности, в ущерб временной. О своём ведь решают!

Когда я устраивался на работу, то подписывал какие-то кипы бумаг. Как сказано выше, всё было от руки, да ещё и плохим почерком. Работа была нужна, так что я подмахивал не глядя, резонно предполагая, что судейские тоже ничего не разберут из написанного, подписанного. Как выяснилось, проблема вовсе не в судейских.

Цифровое бессмертие может не только предотвратить вашу смерть, но и разнобразить жизнь — она станет полнее, насыщеннее.

Разве вы в новой ипостаси, в «цифре», перестанете желать, перестанете нуждаться в услугах? Каких услугах? Мы только что говорили об адвокатах. Ещё есть управляющие имуществом, психологи, писатели и актёры, создатели голограмм, чтобы вы могли представлять в различных видах. И это только начало: мир цифрового бессмертия только начинает развиваться, с чего бы ему быть скучнее и примитивнее нынешнего аналогового, «реального» мира?

Ну, вы поняли, к чему я веду речь: нужен обслуживающий персонал. Кооператив «Главк» рад сообщить своим заказчикам, что достаточное количество сотрудников кооператива к настоящему моменту времени оцифровано и продолжает свою деятельность по обслуживанию клиентов уже в новом формате.

Мы всегда и везде на страже ваших интересов.

— Но я же должен был что-то почувствовать!

— Нет, конечно. С чего вы взяли, что это должно быть больно, ну, или как-то щекотно?

— То есть вы меня увольняете, потому что... Я даже не знаю, как это сказать.

— Потому, что вы у нас работаете теперь на постоянной основе.

— Вечно и без зарплаты!

— Согласитесь, мечта любого работодателя!

В мире биологическом появились разумные обитатели, которые потом создали свою экономику. В мире цифровом не так. Цифровые доллары, рубли, различные криптовалюты обрели бытие раньше людей. Биржа прошлого века торговала реальными товарами, но в нереальных объёмах: известно, к примеру, что того количества риса, который продаётся, покупается, так или иначе мурыжится во фьючерсных сделках, не существует в природе, то есть, по большому счёту, торговля уже давно происходит цифровым рисом. Но мы расширили ассортимент: теперь биржевые котировки есть даже у манны небесной, а самое главное, появился рынок чистых идей, и вы на этом рынке — долгожданные игроки!

То есть вы изначально попадаете в цивилизованный мир.

Получается, что я — уже не «я»! Во всяком случае, если верить мною же написанной брошюре. «Я» обитаю где-то в эмпиреях, а здесь что? — ошметки памяти. С другой стороны, «цифровой человек» должен помнить все свои ощущения, помнить так хорошо, как не мог помнить до оцифровки. Человек — это мысль, и если человек достаточно хорошо мыслит собственное тело, то он этим телом и обладает. Так, может быть, это я подлинный пишу этот текст, воображаю собственное тело, витая в облаках, тогда как моя бывшая оболочка, мой ветхий Адам тащится по земле и пахнет тленем. Никаких пока возможностей разрешить этот вопрос!

Стоит ли мне бояться смерти? И не буду ли я бояться её больше, чем мои предки? Для них-то вопрос был изначально решённый: рано или поздно... А у меня не так, у меня фифти-фифти. Если я — аналоговый, то умру, если цифровой, то нет. Интересно ведь!

Через сколько-то лет можно будет успокоиться: всё, тело столько не живёт, я — бессмертен!

Мир биологический уже не может на вас повлиять, зато у вас сколько угодно способов повлиять на биологический мир. Коллапс банковской системы, всемирный экономический кризис — всё вы можете! А идеология? — кто, как не вы, будете её определять?

Пусть земные власти пыжятся из последних сил, пытаясь доказать собственную значимость. В ответ они услышат только холодный и вечный смех богов!

Вот он, устроенный силами кооператива «Главк», Град Небесный!

Мне обещали, что я не повстречаюсь сам с собой. Мне самому такая встреча была без надобности и нелюбопытна. Но пришлось. При передаче дел. Я и «Я»! Вроде пока ещё мы всё друг о друге знаем, но надо соблюсти формальности.

— Рад познакомиться.

— Более идиотскую фразу для начала разговора даже нельзя представить.

Ничего интересного из нашего общения не вышло, слишком мало было пока что у каждого своего, собственного, отдельного.

Сфера сексуальных услуг тоже давно готова и только ждёт потребителей. Все виды любви и разврата, даже запрещённые на земле, к вашим услугам. И недорого!

Мы можем оцифровать для вас любую женщину. Она даже не будет знать, что окажется вашей любовью, любовницей, сексуальной рабыней. Аналогичный перечень услуг — для наших заказчиц.

А что делать, если вы хотите кого-то умершего? Что если новый Фауст затребует себе Елену Прекрасную? Вынуждены констатировать, что такой возможности у нас пока нет. Но именно что «пока». А тем, у кого, в отличие от поэта, действительно «в запасе вечность», ничего не стоит подождать. Наши теоретики установили, что цифровой код есть у всякого человека, мы научились весьма ловко высчитывать его для живого человека, мы понимаем, что где-то он существует и у любого покойника. Не мы придумали цифровое бессмертие, но оно — объективная реальность мира. Найдём мы вам Елену Прекрасную, обязательно найдём!

Я любил эту женщину давно, тяжело и безнадежно.

— Теперь, когда телесный контакт между нами невозможен, что значат твои чувства?

— Для тебя они никогда ничего не значили.

— Вот как?... Тогда для чего я попросила оцифровать тебя?

— Так ты думаешь, что общаешься сейчас с моей копией?

— Которая, естественно, свою вторичность отрицает.

— Бред какой-то...

Если это не любовь, тогда что это такое?

Пока не пришёл Аристотель и не сумел рационализировать миф, все понимали учение Платона о чистых идеях. Но только мы смогли разглядеть в платонизме практический смысл. По текучим, зыбким теням, мелькающим на стенах пещеры, мы воссоздаём породившую эти тени идею. Мы вспоминаем истинное бытие человека.

Я ничуть не жалею, что позволил такой эксперимент над собой. Любой вызов, который человек может бросить смерти, — во благо!

Надо очень постараться, чтобы написать именно фантастику, а не голимую правду жизни.